

УДК 81

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/66>

**ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ**

©*Эшанкулова Ш. А.*, ORCID: 0000-0003-1689-9498, SPIN-код: 2077-8666, K-8278-2018,
канд. филол. наук, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, eshahrizada@mail.ru

**THE EXPRESSION OF THE PERSONALITY
IN THE ONE-PART SENTENCES OF KYRGYZ LANGUAGES FROM THE POINT
OF VIEW OF RUSSIAN LANGUAGE THINKING**

©*Eshankulova Sh.*, ORCID: 0000-0003-1689-9498, SPIN-code: 2077-8666, K-8278-2018,
Ph.D., Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, eshahrizada@mail.ru

Аннотация. Категория личности/безличности является универсальной категорией. Она свойственна всем языкам мира, но проявляется в них по-разному. Категория личности / безличности — двусторонняя целостная сущность. В кыргызской языковой картине мира преобладает компонент «личность», в русской — «безличность». В статье рассматриваются вопросы выражения личности в односоставных предложениях кыргызского языка с точки зрения русского языкового мышления.

Abstract. The category of personality/impersonality is a universal category. It is peculiar to all languages of the world, but manifests in them in different ways. The category of personality / impersonality is a two-sided, holistic entity. The Kyrgyz language picture of the world is dominated by the personality component, in Russian — impersonality. The article deals with the issues of expression of the personality in the one-part sentences of the Kyrgyz language from the point of view of Russian language thinking.

Ключевые слова: личность, безличность, субъект, предикативность, хиазм.

Keywords: personality, impersonal, subject, predicativity, chiasm.

Актуальной проблемой современной лингвистики является сопоставление отдельных уровней языков. Оно важно для создания общей теории языка и практики преподавания языка как неродного.

Формулировка темы исследования отражает новые подходы к изучению личных и безличных предложений в языке, связанные с функционально коммуникативной лингвистикой, когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, семантикой, стилистикой.

С проблемой категории персональности в кыргызском языке объединены также вопросы личного спряжения именных, глагольных, отдельных наречных и служебных слов, вопросы выделения общих парадигмо-синтагматических значений лично-предикативных форм, не менее важным является вопрос комплексного функционирования личных и лично-возвратных местоимений в составе предложения. Кроме того, кыргызские безличные

синтаксические конструкции к настоящему времени еще не изучались с точки зрения теории субъекта действия и предикативности.

Односоставные предложения кыргызского языка были предметом монолингвистического, так и билингвального рассмотрения. Излагая материалы по проблематике проявления категории личности/безличности в односоставных кыргызских предложениях, мы опираемся не только на положения исследований ряда авторов, но и на идеи и принципы, содержащиеся в трудах русских синтаксистов.

В кыргызском языке в рамках категории личности/безличности выделяют две группы односоставных предложений, выступающих в качестве основных носителей данной категории: 1) личные предложения и 2) безличные предложения. Такое деление логичнее, чем разграничение на пять типов: 1) определенно-личные; 2) обобщенно-личные; 3) неопределенно-личные; 4) безличные и 5) назывные. В этом случае все пять типов предложений осмысливаются как однопорядковые. Мы присоединяемся к тем синтаксистам, которые делят односоставные на два типа: 1) односоставные предложения с главным членом-сказуемым и 2) односоставные предложения с главным членом-подлежащим. Первый тип односоставных предложений разбивается нами на две группы: 1) односоставные личные и 2) односоставные безличные. Главные критерии отделения этих предложений от назывных — это, во-первых, наличие сказуемого и, во-вторых, подчиненность категории личности/безличности. Именно в разграничении двух групп предложений важную роль играет данная категория, выступая в качестве мерила противопоставления «сказуемых» односоставных предложений «подлежащим», с одной стороны, и, с другой, личных односоставных безличным односоставным.

Таким образом, мы поддерживаем ту модель односоставных предложений, согласно которой односоставные сказуемые предложения противопоставляются назывным и делятся на личные и безличные предложения. Личные односоставные тоже неоднородны по структуре и значению и подразделяются на три вида: определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные.

Материал и методы исследования

Самым продуктивным видом сказуемых односоставных предложений являются определенно-личные предложения. Этот вид предложений имеет некоторые особенности, которые несвойственны другим односоставным предложениям:

- непосредственно связаны со спряжением, по своей природе относятся к сфере этой морфологической категории;
- соотносительны и синонимичны с двусоставными личными; в отличие от двусоставных в них отсутствуют личные местоимения и субстантивные лексемы в номинативе и в функции подлежащего;
- лицо не выделяется, не обособляется, а подчеркивается значимость именной или глагольной основы с личными аффиксами лица-числа. Когда выделяется субъект свойства, предмета или действия, на его номинант падает логическое ударение и употребление названия субъекта становится неизбежным, обязательным;
- в качестве сказуемого используется любая спрягаемая лексема, способная организовать речь и выполнять предикативную функцию.

В кыргызском языкознании и тюркологии существует два подхода к определению сущности, объема, состава и способов выражения сказуемого определенно-личных предложений.

Первый подход называет определенно-личными только такие, в которых главный член выражен глаголом в форме 1 и 2 л. ед. и мн.ч. изъявительного наклонения и в форме 2 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения [3, с. 96].

Сторонники другого подхода шире смотрят на структуру сказуемого. По их мнению, в качестве сказуемого в определенно-личных предложениях употребляются не только глаголы, но и другие части речи – существительные, прилагательные и другие спрягаемые части речи в формах 1 и 2 л. ед. и мн. ч. [4, с. 327–328]. Мы придерживаемся этой точки зрения, поскольку широкий взгляд не оставляет оснований для противоречий. На наш взгляд, считать предложение *Билгемин, ушундай эле жасап салмаксыңар* (К. Баялинов) – *Я знал, так и вы сделали бы*» определенно-личным, где сказуемое *билгемин – я знал*» и *жасап салмаксыңар – вы сделали бы*», не имея подлежащих, указывают на субъект и его действия, а предложение *Адамбыз, садагалар, сөзүңөрдү оңдогула* (из сказки). – *Мы люди, милые, поправьте слова*» считать не определенно-личным, где в сказуемом *адамбыз – мы люди* аффикс *-быз* указывает на материально не выраженного обладателя человеческих качеств, нелогично и неправильно. Считаем, что личные формы не только глагола, но и существительного могут оформлять главный член определенно-личных предложений.

Широкое понимание структуры определенно-личных предложений привлекательно и с точки зрения сопоставительной грамматики. В приведенных примерах кыргызские односоставные определенно-личные конструкции соответствуют русским двусоставным. Ср. функциональную тождественность кыргызских сказуемых в личной форме русским сочетаниям по модели «подлежащее + сказуемое»:

1. *билгемин* = *Я знал*;

2. *жасап салмаксыңар* = *Вы бы сделали* (кыргызское сказуемое аналитическое, глагольное составное, состоит из деепричастия *жасап* и вспомогательного глагола *сал-* с желательным аффиксом *-мак* и аффиксом 2 л. мн. ч. – *сыңар* – вы);

3. *адамбыз* = *Мы люди*.

Как видим, кыргызские словоформы в функции главного члена односоставных определенно-личных предложений не имеют тождественных эквивалентов в русском языке. Им соответствуют в русском языке предикативные словосочетания, состоящие из подлежащего и сказуемого и имеющие соответственно два состава. В русском языке личность передается с помощью личных местоимений. В кыргызских предложениях не требуется наличие личных прономинативов.

Таким образом, можно сделать вывод, что разноструктурные лично-сказуемостные образования двух языков объединяются в рамках предикативности, которая шире, чем категория лица. Категория предикативности выступает в качестве объединяющего начала односоставных и двусоставных конструкций в двух языках. В связи с этим отметим, что в тождественных по значению предикативных образованиях сопоставляемых языков имеет место хиазматическое соотношение признаков лица, с одной стороны, и, с другой, номинантов действия и признака субъекта:

Билген – мин
Я знал

адам – быз
мы – люди

Хиазм в этих примерах проявляется в перекрещивании признаков лица и номинантов действия (в прош. вр.) и человека. В случае *билгемин* и *билгенмин* мы имеем дело с фонетическим явлением диареzy, поскольку в результате действия закона компрессии

происходит выпадение конечного согласного звука в аффиксе прошедшего времени — *ген*, т. е. *билгемин* (разг.) из *билгенмин* (лит.).

Какие же части речи спрягаются в кыргызском языке и участвуют в выражении главного члена определенно-личных односоставных предложений?

В функции сказуемого в кыргызских определенно-личных предложениях выступают наименования национальностей, профессий, возрастных и личностно-психологических типов людей, представителей различных верований, партий, идеологических течений, социальных слоев общества, термины родства и т. д. А географические названия, вещественные существительные, номинанты астрономических понятий, абстрактных и мифических существ и т. д. не спрягаются и, соответственно, не могут организовать определенно-личные предложения. Правда, употребляясь в переносном значении, они легко становятся в центре этого типа односоставных предложений.

Например, слова *алма-яблоко* и *желмогуз-баба-яга* не спрягаются. Однако в определенном контексте они участвуют в выражении главного члена определенно-личных предложений. В песенном фольклоре встречаются строки:

1. *Агарып бышкан алмасың,
Ал жеткис бийик жайдасың...*
2. *Кызарып бышкан алмасың,
Кол жеткис бийик жайдасың...*

Эти строки связаны между собой по принципу параллелизма, широко встречающегося в народной поэзии. Первые строки – определенно-личные, в них сказуемое выражено существительным в форме им. п., 2 л. ед. ч. в значении настоящего времени: *Агарып бышкан алмасың*. – Ты спелое белое яблоко; *Кызарып бышкан алмасың*. – Ты спелое красное яблоко. В словоформе аффикс *-сың* – ты указывает на обладателя признака и не требует подлежащего. Смысл субъекта содержится в аффиксе сказуемого. В русском языке мы имеем дело с двусоставным эквивалентом, содержащим в себе и подлежащее, и сказуемое: *ты яблоко*. В бытовом языке кыргыз не называет представительницу женского пола словом *алма-яблоко*, что допускается в песенном фольклоре.

В примерах и вторые строки – определенно-личные предложения: *Ал жеткис бийик жайдасың*. – Ты на таком высоком месте, куда сила не достигнет; *Кол жеткис бийик жайдасың*. – Ты на таком высоком месте, куда рука не достигнет. В них сказуемое выражено существительным *жай* – место в местном падеже *жайда* – на месте в форме 2 л. ед. ч.: *жайдасың* – ты на месте с определителями. Выбор слов *ал* – сила» и *кол* – рука обусловлен требованиями анафоры – созвучия начальных в строке звуков.

Даже именное сказуемое необходимо соотносится с темпоральностью, вне связи с которой оно не существует. В приведенных примерах сказуемое *алмасың* констатирует факт наличия данного признака у субъекта в момент сообщения. А через определенное время сказуемое может быть преобразовано в виде: *Кызарып бышкан алма элең*. – Ты была спелым красным яблоком. В трансформе прошедшего времени номинант фрукта, образно передающий зрелость и красоту девушки, лишается личного аффикса и передает его вспомогательному глаголу *эле*, в результате чего сказуемое получает форму *алма элең* – ты была яблоком, где *-ң* – ты.

В просторечном выражении *Желмогузсуң, желмогузсуң, өзүсүң!* Отсутствует подлежащее, имеются сказуемые *желмогузсуң* – ты обжора, ненасытный» и *өзүсүң* – ты сам. *Желмогуздун өзүсүң* – Ты есть настоящий обжора, самый ненасытный человек, где существительное употреблено в переносном значении.

Сразу отметим, что сказуемым определенно-личных предложений могут быть только формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч., а 3 л. не обладает таким качеством, имея нулевой аффикс и не выражая соотнесенность обозначаемого предмета или качества с лицом, т. е. с 3 л. ед. и мн. ч.

В обычном диалоге: – *Сен кайдасың?* – *Где ты?* – *Үйдөмүн* – *Я дома* вопросительное предложение двусоставное, а ответ – односоставная конструкция. Аффикс *-мүн* указывает на 1 л. ед. ч. Язык допускает и двусоставный вариант в виде развернутой трансформы *Мен үйдөмүн* – *Я дома*. Две трансформы идентичны по значению. Они переводятся на русский язык одинаково. Оба предложения полные. Однако диалог: – *Ал кайда?* – *Где он (она)?* – *Үйдө* – *Дома* / *Ал үйдө* – *Он (она) дома* построен по-другому. Ответ *үйдө* – *дома* не может считаться определенно-личным. Словоформа не содержит признака лица. Это неполное предложение, противопоставляемое полной трансформе *Ал үйдө* – *Он (она) дома*.

У поэта М. Ааматова есть параллельные строки, базирующиеся на формуле определенно-личных предложений:

1. *Жапакеч жан экемин...сыздап турган* – *Я страдающая, печальная душа;*

2. *Армандуу жан экемин... жашып турган.* – *Я неудовлетворенная, страдающая (вызывающая сострадание) душа*, где двум односоставным кыргызским предложениям в русском соответствуют двусоставные (*жан экемин* – *я душа*). Кыргызский вспомогательный глагол *экен* в данном контексте передает значение наличия признака, обозначаемого предыдущим существительным, в момент речи и свободно спрягается, выражая определенность обладателя признака или производителя действия в формах 1 и 2 л. ед. и мн. ч. И здесь мы обнаруживаем явление диерезы в употреблении словоформы *экемин* (из *экенмин*).

Функцию главного члена определенно-личных предложений выполняют и прилагательные. Возьмем прилагательное *жакын* – *близкий, находящийся рядом, недалекий*. Ср. пример из разговорной речи: *Өзүнө эле айт, жакынсың го, ынаксың го.* – *Скажи ему самому, ты же близкий (ему друг), ты же его приятель*. Отметим, что слова *жакын* и *ынак* приобрели субстантивную семантику, будучи прилагательными (*ынак* – *чистый, без примеси*) и стали определенно-личными сказуемыми. Таким образом, субстантивация в данном случае не совсем полноценная, а промежуточная, совмещающая в себе предметность и качественность. В данном предложении слово *жакын* – *близкий (друг)* можно преобразовать в форму сравнительной степени: *Мага караганда ага жакынырааксың го* – *Ты ведь ближе к нему (по родству, по образу жизни, по месту жительства или работы) по сравнению со мной*, где слово *жакынырааксың* – *ты ближе* имеет в своем составе факультативный аффикс сравнительной степени, допускающий изъятия без ущерба для семантики предложения: *Мага караганда ага жакынсың го*. Ср. аналогичные примеры: *Мен сенден улуумун* – *Я старше тебя* – *Мен сенден улууракмын* – *Я чуть старше тебя*. В первом случае речь идет об относительном старшинстве говорящего по сравнению с собеседником, во втором случае – о незначительных различиях в их возрасте.

В качестве сказуемых в односоставных определенно-личных предложениях используются не только субъективные и адъективные лексемы, но и слова с количественным значением.

Приведем один пример из разговорной речи и кратко прокомментируем: – *Канчадасыз, аба?* – *Бир кам эликтемин* – *Сколько вам лет, дядя? Мне без одного года пятьдесят. Бир кам* – *без одного (года)* – уточняет смысл сказуемого. Оба предложения — вопросительное и ответное — определенно-личные. В них отсутствуют подлежащие, есть только сказуемые, личные аффиксы которых указывают на обладателя свойства. При переводе эти аффиксы

соответствуют русским местоимениям, выражающим субъектное значение, но стоящими не в именительном, а в дательном падеже. А носители литературного языка оформляют ответ немного по-другому, но сохраняют односоставную определенно-личную структуру: 1) *кырк тогуздамын/бир кам элуудамун*, где аффиксы *-мын* и *-мун* передают значение — *мне*, а значения остальных частей можно представить с помощью цифр 49 или 50 - 1 (сорок девять или пятьдесят минус один). Второй из этих вариантов имеет заметный региональный оттенок, а первоначальный вариант *Бир кам эликтемин* встречается в юго-западной группе говоров южного диалекта и является продуктивным синтаксическим образованием.

Количественность содержится как в вопросе, так и в ответе. Ср. также: *–Калып калганыңар канчоосуңар? – Он төртпүз – Сколько вас оставшихся? Нас четырнадцать.* Вопрос и ответ взаимно дополняют друг друга. В вопросе *калып калганыңар – оставшиеся из вас* – подлежащее, *канчоосуңар? – сколько вас?* – сказуемое. Оба главных члена оформлены аффиксом 2 л. мн.ч. и связаны между собой способом согласования (*-ыңар – вы, -ңар – вы*). Ответ замещает сказуемое *канчоосуңар? – сколько вас?*, поэтому определяется нами как определенно-личное, соотносительное по смыслу с подлежащим вопросительной фразы: *он төртпүз* – это односоставное определенно-личное предложение, которое может быть легко преобразовано в двусоставное личное: *Биз он төртпүз*, где *биз – мы* – подлежащее, *он төртпүз – нас четырнадцать* – сказуемое.

Главный член односоставных предложений нередко выражается личными местоимениями 1 и 2 л. ед. и мн.ч., вопросительными, разными производными прономинативами.

Приведем пример диалога из произведения «Кыл көпүрө» писателя О. Орозбаева:

–Эй, сен кимсиң? – деди мас Синецкий...

Өзүбүздүкүлөрбүз, жүрү, жүрү! – деди Сергей аны моюндан кыса кучактаган боюнча эшикти карай сүйрөдү–Эй, кто ты? – сказал пьяный Синецкий...Сергей сильно обняв его, потащил к дверям, говоря: – Мы свои, иди, иди!

В ответе есть предложение *Өзүбүздүкүлөрбүз – Мы свои, мы нечужие*. Оно односоставное определенно-личное, имеет сложное строение: *өз – свой, сам, – үбүз – мы, наши (өзүбүз – мы сами), – дүкү – принадлежащий* (состоит из аффиксов вин.п. *-дү* и определительного аффикса *-кү*; по К. Зулпукарову, это аффикс второго родительного падежа, *-лөр – они*, т. е. аффикс мн. ч., *– бүз – мы, наши*). Признак 1 л. мн. ч. имеет инклюзивное значение, включая в свою семантику и собеседника (*я + ты, я + вы*) и представлен в сказуемом дважды. Подобный дублиаж аффиксов в кыргызском языке не редкость. Этимологически все морфемы данной словоформы-предложения имеют местоименное происхождение. Мы вправе говорить о сочетании и скоплении местоименных морфем для передачи краткого утверждения.

Вопрос можно было бы сформулировать в виде определенно-личного предложения, сняв подлежащее *сен – ты: Кимсиң? – Кто ты?* данная трансформа может употребляться без подлежащего. Мы имели бы в этом случае определенно-личное предложение только по форме: субъект может быть восстановлен по личному аффиксу сказуемого *-сиң – ты*. Однако по содержанию предложение неопределенное. Неопределенность субъекта заключена в значении вопросительного прономинатива. Местоимение *ким* используется только при неизвестности действующего лица.

Наличие дефектных форм и нестандартных образований в местоименном спряжении предполагает специальное его изучение с точки зрения современной теоретической грамматики. Мы же здесь только подчеркиваем способность прономинативов участвовать в выражении сказуемого определенно-личных предложений.

Проследим, как выражаются сказуемые определенно-личных предложений наречиями. В кыргызском языке границы между наречиями и другими частями речи (прилагательными, послелогоми, послеложными именами и т.д.) четко не разграничены. Например, слово *кийин* после существительных в исходном падеже относится к послелогам, а в случае самостоятельного употребления – к наречию: *менден кийин – после меня, кийин келет – потом придет/приедет*. Первое сочетание спрягается:

А. 1. Ø (ноль)	Ø (ноль)
2. <i>Менден кийинсиң</i>	<i>Менден кийинсиңер</i>
3. <i>Менден кийинсиз</i>	<i>Менден кийинсиздер</i>
4. <i>Менден кийин</i>	<i>Менден кийин</i>
Б. 1. <i>Сенден кийинмин</i>	<i>Сенден кийинбиз</i>
2. Ø (ноль)	Ø (ноль)
3. Ø (ноль)	Ø (ноль)
4. <i>Сенден кийин</i>	<i>Сенден кийин</i>

Итак, парадигма двух словосочетаний имеет разный состав. Соответственно, наречие-послелог *кийин* нарушает традиционную систему спряжения. В составе словосочетания *сенден кийин – после тебя* оно может образовать только два вида определенно-личного сказуемого, в составе словосочетания *менден кийин – после меня* – четыре вида сказуемого. Формы 3 л. ед. и мн. ч. имеют нулевой аффикс, омонимичны, не дифференцированы формально и не могут участвовать в выражении главного члена рассматриваемого типа односоставных предложений.

Аналогично функционирует наречие-послелог *карышы – против*. Оно выполняет функцию послелога, управляя формой существительного в дательном падеже, функцию наречия — самостоятельно примыкая к глаголу: 1) *чоңдорго каршы сүйлөө – выступать против начальников*, 2) *жолуман каршы чыктың – ты вышел мне навстречу на дороге*.

Спряжение слова *карышы – против* имеет структуру:

<i>карышмын</i>	<i>карышыбыз</i>
<i>карышысың</i>	<i>карышысыңар</i>
<i>карышысыз</i>	<i>карышысыздар</i>
<i>карышы</i>	<i>карышы</i>

Однако сочетание этого слова с личными местоимениями приводит к нарушению системы, препятствия логического характера:

1. Ø (ноль)	Ø (ноль)
2. <i>Мага каршысың</i>	<i>Мага каршысыңар</i>
3. <i>Мага каршысыз</i>	<i>Мага каршысыздар</i>
4. <i>Мага каршы</i>	<i>Мага каршы</i>

Отметим существенную закономерность: в спряжении словосочетаний «личное местоимение+послелог/наречие» встречаются «пустые клетки», возникновение которых обусловлено невозможностью дуближа лиц в парадигме. Лицо атрибутивного члена словосочетания открывает позицию только для других лиц и не предполагает связи со своим лицом в спрягаемой парадигме.

В кыргызском языке спрягается и послелог *менен – с, вместе с, совместно с, рядом с*. Ср. парадигму сочетания *эл менен*:

<i>эл мененмин</i>	<i>эл мененбиз</i>
<i>эл мененсиң</i>	<i>эл мененсиңер</i>
<i>эл мененсиз</i>	<i>эл мененсиздер</i>
<i>эл менен</i>	<i>эл менен</i>

Надставка к началу членов парадигмы личных местоимений приводит к образованию двусоставных предложений: *Мен эл мененмин – Я с народом*, где *мен – я* – подлежащее, *эл мененмин – я с народом* – сказуемое. Сказуемое может употребляться без подлежащего и стать главным членом определенно-личной конструкции. Первые шесть членов парадигмы обладают потенциалом быть основой определенно-личного предложения, последние два не имеют такой возможности и предполагают употребление подлежащего, т. е. номинанта субъекта. 3 л. как ед., так и мн. ч. не может быть сказуемым в определенно-личных предложениях.

Многообразны определенно-личные предложения, сказуемое которых выражено личными формами изъявительного и повелительного наклонений. Некоторые авторы считают, что определенно-личное предложение «состоит только из группы сказуемого, выраженного глаголами в спрягаемой форме I и II лица единственного и множественного числа или основой глагола» [1, с. 78]. Этот вывод ученого учитывает традицию определения определенно-личных предложений в русском языке, поскольку в этом языке спрягаются только глаголы и сказуемое определенно-личных предложений выражается формами спряжения настоящего и будущего времени.

Формы глагольного спряжения в кыргызском языке многообразны и не подчиняются общим правилам. Сказуемое определенно-личных предложений выражается

1) глаголами настоящего-будущего времени изъявительного наклонения в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч.:

Биринчи курста окуймун. – Учусь на первом курсе.

Издейм сени (Ж.Мамытов). – Ищу тебя.

Билесиңер, баарын билесиңер. – Знаете, все знаете.

Сказуемые *окуймун, издейм* (усеченная форма вместо полной формы *издеймин*), *билесиңер* не имеют при себе подлежащих, но их аффиксы указывают на производителя действия.

2) глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч.:

Сага айттым эле – унутуп калыпсың. – Я говорил тебе – ты забыл. В русских переводах мы имеем двусоставные эквиваленты, потому что глагол в прошедшем времени не спрягается, поэтому предполагает наличие личного местоимения.

Кайда жүрдүңөр? (О. Олжобаев). – Где вы были?

3) глаголами будущего времени в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч.:

Көрсө көрөрбүз. – Увидимся.

«Барабыз», – дедим, барабыз. – Пойдем», сказал я, пойдем.

Отметим особенность последнего бессоюзного сложного предложения с прямой речью. В нем нет отдельного слова в субъектной функции. Значение субъекта содержится в личных аффиксах. Предложение *Барабыз – Пойдем* обнаруживают типологическое сходство, имея определенно-личное строение. Однако предикаты *Дедим – Сказал я* подчеркивают расхождения сопоставляемых языков: кыргызское – односоставное, ибо глагол на *-ди* в прошедшем времени спрягается; русское – двусоставное, сказуемое *сказал* необходимо требует употребления личного местоимения 1 л. ед. ч. в функции подлежащего.

1) глаголами условного наклонения в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч.

Барсаң – көрөсүң, тийсең – өлөсүң. – Пойдешь – увидишь, тронешь – получишь/погибнешь. Перед нами четыре определенно-личных предложения, объединенных в два сложных. Первое и третье предложения имеют сказуемые, выраженные формой 2 л. ед.

ч. условного наклонения. А результат этих действий отражается в других двух односоставных предложениях, являющихся главными.

Ата-энеңди сыйласаң, өз балаңдан жакшылык көрөрсүң (посл.). – *Если будешь почитать родителей, увидишь добро от своих детей.* Придаточное предложение условное, его сказуемое *сыйласаң* содержит в себе аффикс условия *-са* и аффикс 2 л. ед. ч. *-ң*, не имеет при себе подлежащего.

Отметим соотносительность условия и результата в подобных предложениях. В приведенных пословицах с условными придаточными сказуемое главного предложения выражено глаголами будущего времени изъявительного наклонения.

В кыргызском языке есть антонимическая трансформация приведенной пословицы:

Ата-энеңди кордосоң, өз балаңан кордук көрөсүң. – *Если будешь оскорблять родителей, увидишь оскорбления от своих детей.* И здесь пример с определенно-личными предложениями: в придаточном условном сказуемое выражено формой глагола 1 л. ед. ч. сослагательного наклонения, а в главном – формой глагола 1 л. ед. ч. будущего времени изъявительного наклонения. В пословице 2 л. ед. ч. представлено четыре раза с помощью аффикса *-ң*: два раза в форме лично-посессивного спряжения (*ата-энеңди* (букв.) *твоих родителей* и *балаңан* (букв.) *от (твоего ребенка)*), два раза в форме лично-предикативного спряжения (*кордосоң – если будешь оскорблять, көрөсүң – увидишь*).

5) формами 1 и 2 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения; в качестве признака 1 л. ед.ч. выступают варианты аффикса *-айын, -ейин, -оюн, -өйүн*; в качестве признака 2 л. ед.ч. – нулевой аффикс и аффикс *-гын, -гин, -гун, -гүн, -кын, -кин, -кун, -күн*, в качестве признака 1 л.мн.ч. – аффикс *-алы(к), -ели(к), -олу(к)* с инклюзивным значением, 2 л.мн.ч. – аффикс *-гыла, -гиле, -гула, -гүлө, -кыла, -киле, -кула, -күлө* (иногда в сочетании с аффиксом *-чы, -чи, -чу, -чү*). Ср. примеры:

Баргын. – Иди/Сходи; Барың (вежл.) – *Идите* (ед.ч.); *Бар. – Иди; Барчы. – Иди-ка; Барайын. – Пойду-ка; Баралы /баралык /барайлык /барайык* (в говорах). – *Пойдем-ка, пойдомте; Баргыла. – Идите; Барыңыздар. – Идите* (вежл.).

Коё тургулачы бир паска! – деди Ганна чебелене (О. Орузбаев). – *«Подождите чуть-чуть! – сказала Ганна спеша».* В данном случае аналитическая форма повелительного наклонения с аффиксом *-гулачы* (*-чы* факультативен) соответствует русской синтетической форме: *коё тургула(чы) – подождите*. Аффикс *-чы* снижает силу повелевания и придает эффект просьбы.

Жүргүлө тезирээк, кетели! (там же). – *Идите быстрее, пойдомте.* Здесь два определенно-личных предложения. Значение 2 л. мн. ч. передает аффикс *-гүлө – вы*. Второе определенно-личное предложение имеет другую семантику: аффикс *-ли* совмещает в себе действие говорящего и слушающего и содержит призыв к совместному действию, к удалению адресанта и адресата от места происшествия. Русское сложное окончание *-мте* тоже содержит инклюзивное значение «мы + вы».

Особенно много определенно-личных предложений в пословицах и поговорках языка. Среди них особый сакральный смысл имеют запреты типа: *Кыбыланы тээп жатпа – Не ложись (спать) ногами в сторону Мекке, Асманга карап түкүрбө – Не плюй в сторону неба, Нанды тебелебе – Не наступай на хлеб* и т.д.

В некоторых работах считается, что предложения типа *Бардыгың барсаңар билесиңер – Пойдете – узнаете все* имеют сказуемые, выраженные повелительным наклонением глагола [3, с. 78]. Мы относим сказуемые этого предложения к сослагательному (*барсаңар – если пойдете*) и изъявительному (*билесиңер – узнаете*) наклонению.

Другой важной разновидностью односоставных предложений являются обобщенно-личные предложения. В качестве ядра этих предложений выступает сказуемое в личной форме глагола.

Обобщенно-личные предложения подобно некоторым видам определенно-личных предложений имеют сказуемые, выраженные спрягаемой формой глагола с личными окончаниями 1 и 2 л. ед. и мн. ч., 3 л. ед. ч., основой глагола со значением повелительности.

1. Обобщенно-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголами изъявительного наклонения настоящего, будущего и прошедшего времени в форме 1 л. ед. и мн. ч.

Чеченсиген жигитти доо келгенде көрөрмүн /көрөрбүз/көрөмүн/көрөбүз, менменсинген жигитти жоо келгенде көрөрмүн/көрөрбүз/көрөмүн/көрөбүз. – На ораторствующего молодца посмотрю/посмотрим, когда придет иск, на высокомерного молодца посмотрю/посмотрим, когда придет враг.

Как видим, кыргызская пословица допускает вариативность употребления личных аффиксов ед. и мн. ч., а также двух форм (сомнительного будущего и настояще-будущего) времени.

В обеих частях бессоюзного сложного предложения отсутствует подлежащее. Его отсутствие не замечается, поскольку пословица имеет устоявшуюся форму, прецедентный смысл и полное строение.

То же самое можно сказать о других трансформах общего пословичного смысла.

Например, *Такылдаган келинди уй чечкенде көрөрмүн/көрөрбүз/көрөмүн/көрөбүз/көрөмүн/көрөбүз, бакылдаган текени суу кечкенде көрөрмүн/көрөрбүз/көрөмүн/көрөбүз. – На заносчивую молодуху посмотрю/посмотрим, когда разбирать будет юрту, на горлистого козла посмотрю/посмотрим, когда будет переходить вброд реку.*

В пословице *Эсебин эптеп билебиз, эшегин кантип минебиз?* [2, с. 264]. – *Счет их мы как-нибудь уразумеем, но как мы на их осла сядем?* Обобщенно-личные сказуемые выражены глаголом *билебиз* в форме 1 л. мн.ч. настояще-будущего времени изъявительного наклонения.

В загадке *Тептим – терекке чыктым* (букв.) – *Я наступил (на ступеньку) и взошел на тополь* личные аффиксы 1 л. ед.ч. -м (*тептим* – я наступил) и -м (*чыктым* – я взошел) имеют общее значение, и никак не связаны с говорящим человеком, с адресантом и соотносятся с любым субъектом, загадывающим участником игры. В качестве отгадки называются *үзөңгү – стремя* и *ээрчен ат – лошадь с седлом, оседланная лошадь*. Данная паремия не имеет трансформы с личным аффиксом мн. ч.

В пословице *Бегиңе жеткиче белиңи сындырам* – *Пока ты доберешься до своего властителя, я тебе хребет переломлю* [5, с. 87] личный аффикс -м в сказуемом *сындырам* – *переломлю* выражает обобщенное лицо и способен соотноситься с любым говорящим в качестве речепроизводителя. Пословица употребляется при напугивании слабеньких личностей за проступки.

В пословичном изречении *Уучум, сага айтам, уулум сен ук.* – *Тебе, унина моя, говорю, ты, сын мой, слушай*, сказуемое *айтам* выражает обобщенное лицо и имеет форму настояще-будущего времени 1 л. ед. ч.

2. Обобщенно-личные предложения со сказуемым в форме 2 л. ед.ч., выраженным глаголом изъявительного наклонения настоящего, будущего и прошедшего времени.

Айтасың, айтасың, жадаганда тим коёсуң. – Говоришь, говоришь, когда надоест, перестанешь.

Предложение имеет обобщенный смысл, основано на повторе предложения-сказуемого. Аффиксы *-сың* и *-суң* непосредственно не относят действия к участнику общения, не связаны с личным местоимением *сен – ты*. Вставка этого прономинатива нарушает содержание фразы, искусственно увеличивает ее объем и снижает воздействие на слушателя.

В следующем изречении обобщенные 1 л. ед.ч. и 2 л. ед.ч. совмещены:

Көрдүм – десең, бүгүлдүң, Көрбөдүм – десең, кутулдуң. – Если скажешь: Я видел – ты попался, если скажешь: Я не видел – ты свободен. В пословице шесть отдельных предложений, связанных между собой иерархично. Эти предложения по-разному связаны друг с другом. Изречение прежде всего можно разбить на две части, каждая из которых является предложением: 1. *Көрдүм – десең, тутулдуң.* 2. *Көрбөдүм – десең, кутулдуң.* Они вместе образуют одно сложное бессоюзное предложение, части которых связаны друг с другом контрастным значением и параллелизмом частей. Каждая часть этого синтаксического образования представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия. Условие в обоих предложениях имеет показатель в виде условного аффикса *-се*: 1) *Көрдүм – десең*; 2) *Көрбөдүм – десең* и соотносится с результатом действия, содержащимися в главных предложениях: *тутулдуң* и *кутулдуң*. Сами придаточные условия имеют сложное строение, включая в себя прямую речь (обобщенно-личное предложение) и слова обобщенного говорящего, т. е. автора. Следовательно, мы склонны считать, что обобщенно-личные предложения *Көрдүм – Я видел* и *Көрбөдүм – Я не видел* входят в сложное синтаксическое образование, состоящее из прямой и «авторской» речи. «Авторская» речь со своим условным и личным аффиксами становится зависимым придаточным предложением по отношению к независимым главным предложениям (*тутулдуң* и *кутулдуң*). В этом сложном синтаксическом целом, отражающем положительные и отрицательные стороны освидетельствования бытовых, хозяйственных, уголовных и прочих актов, отражен фрагмент жизненного опыта кыргызского этноса. Поэтому считаем, что это целое, грубо говоря, состоит из шести обобщенно-личных предложений. Каждое из этих предложений нераспространенное, односоставное. Все простейшие обобщенно-личные предложения связаны между собой попарно и имеют личные аффиксы: *-м – я* в прямой речи (2 раза), *-ң – ты* в условных предложениях и *-ң – ты* в главных предложениях. Эти шесть предложений мы можем назвать словоформами (с точки зрения морфологии), сказуемым (с точки зрения теории предикативности и членов предложения) и предложениями (с точки зрения общей теории синтаксиса).

В следующей пословице сказуемое выражено аналитической формой глагола *калкалай албайсың – не сможешь закрыть*, имеющей модель деепричастие+личная форма вспомогательного глагола с отрицанием: *Айды этек менен калкалай албайсың. – Луну полой не сможешь закрыть.* Она употребляется, когда необходимо утаить заслугу человека, принизить достоинство и авторитет человека, людей, отрицательно отзываться о красивой и умной женщине и т.д. Аффикс *-сың* не соотносится с лексемой *сен – ты* как в двусоставных личных предложениях, а сам выступает в качестве экспонента обобщенного лица в составе аналитического сказуемого.

В пословице *Агайындын кадырын жалаалуу болсоң билерсиң, ата-эненин кадырын балалуу болсоң билерсиң. – Ценность друзей познаешь, когда будешь оклеветан, ценность родителей – когда сам будешь иметь детей*, в отличие от предыдущих предложений, представлены сказуемые, выраженные формой будущего времени на *-ер*. *Билерсиң – узнаешь, познаешь.* Обобщенное лицо передается аффиксом *-сиң – ты*. Семантика обобщенности усиливается значением сопровождающих обобщенно-личное сказуемое

оборотов в функции обстоятельства времени *жалаалуу болсоң – когда ты будешь оклеветан и балалуу болсоң – когда сам будешь иметь* детей. Вторые компоненты этих сочетаний в своем составе имеет аффикс *-ң – ты*, который поддерживает обобщенно-личное сказуемое по форме и смыслу.

В кыргызском паремийном фонде встречаются пословицы с количественно насыщенными обобщенно-личными сказуемыми. Приведем пример с глаголами прошедшего времени. Ср.: *Туулдуң – өлдүң, тутандың – күйдүң. – Ты родился – умрешь, ты загорелся – сгоршишь* [2, с. 174]. В переводе вторых предложений мы поставили русские глаголы в форме будущего времени. Этого требует логика. Кыргызские соответствия этих глаголов обозначают действия, совершаемые после того, как свершилось действие первых глаголов. Все кыргызские глаголы стоят в форме прошедшего времени (*-ду, -дү, -ды -ду*). Перед нами четыре обобщенно-личных предложения, связанных между собой попарно и по смыслу. Между частями предложения есть логическая связь по формуле «начало-конец». Мы можем сказать, что пословица – сложное синтаксическое образование, состоящее из двух сложных предложений-сказуемых. Каждое сложное предложение включает в себя простые, логически и грамматически взаимосвязанные. Связи между двумя частями всего сложного предложения и между частями сложных предложений в составе этого сложного предложения осуществлены без участия союзов, интонационно и по смыслу. Все четыре предложения односоставные обобщенно-личные. Основной формой выражения предложений-сказуемых служит прошедшее совершенное время с личным аффиксом *-ң – ты*. Процесс рождения и смерти, воспламенения и сгорания мыслится как вечная смена жизненных антиномий. Поэтому содержание пословицы может быть отнесено к самым различным и порою противоположным случаям и определяется как обобщенно-личное предложение.

3. Обобщенно-личное предложение со сказуемым, выраженным формой 3 л. ед. и мн. ч. изъявительного наклонения

В примере *Ичке жерден үзүлөт. – Где тонко, там и рвется* глагол *үзүл* имеет дефектную парадигму, не обладая способностью полнокровно спрягаться: невозможно образовать словоформы *үзүлөм – я рвусь, үзүлөсүң – рвешься* и т.д. в данной пословице отсутствует подлежащее, его наличие не предполагается. Сказуемое имеет обобщающий смысл. Пословица имеет трансформу *Ичке үзүлөт, жоон сүзүлөт – Тонкое рвется, а толстое утоньшается* с двусоставным строением.

Другой пример: *Кыбыланы тээп жатпайт. – Не спят ногами в сторону Мекке*. Аффикс *-т* – признак 3 л. ед. ч., употребляется в обобщенно-личной функции. Он соответствует нулевому аффиксу в повелительном предложении: *Кыбыланы тээп жатпа. – Не спи ногами в сторону Мекке*. Иначе говоря, аффикс *-т* и аффикс $\emptyset$ (ноль) выступают как синонимы в составе обобщенно-личных предложений. Ср. Также: *Кайырчыны кемсинпейт/кемсинтпе. – Не унижай/не унижают нищего; Кудука түкүрбөйт/түкүрбө – Не плюй/не плюют в колодец и т.д.* Как видим, две трансформы обобщенно-личного предложения выступают как полные синонимы и чаще всего употребляются в запрещающих определенных действиях пословичных выражениях.

В предложении *Талаптанбай муратка жетпейт. – Не стремясь, не достигают цели* тоже содержится обобщенный смысл. Сказуемое допускает возможность преобразования аффикса 3 л. *-т* в аффикс 2 л. ед. и мн. ч. *-сиң, -сиңер*: *Талаптанбай, муратка жетпейсиң/жетпейсиңер*. В некоторых обобщенно-личных предложениях отмечается синонимия сказуемых в формах 3 и 2 лиц.

Встречаются обобщенно-личные предложения со сказуемым на *-т*, не синонимичным отрицательному сказуемому в повелительном наклонении: *Үйүндө көптү талаада урбайт. –*

Кого дома много (кто является членом большого коллектива), *того в поле не бьют*. Сказуемое *урбайт* не может быть заменено сказуемым *урба*, поскольку данная поговорка не содержит общеизвестного запрета.

Таким образом, мы понимаем состав и объем обобщенно-личных предложений намного шире, чем в существующих синтаксических трудах, считая основными их признаками односоставность строения, наличие в них глагольного сказуемого в формах изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений и обобщенность носителя признака или производителя действия, содержащегося в аффиксах спряжения или в глагольной корневой морфеме.

Определим синтаксическую сущность неопределенно-личных предложений в кыргызском языке, имеющих много общего и специфического относительно аналогичных русских предложений.

Особенностью этого вида односоставных личных предложений является то, что способы выражения главного члена ограничены и односторонни. Сказуемое в них выражается исключительно глаголами изъявительного наклонения, которые в формах 3 лица настоящего, будущего и прошедшего времени обозначают действия без определенного производителя. Действующее лицо в них мыслится как неизвестное, неопределенное и реконструируемое «кто-то» и иногда намеренно устраняется говорящим. Речевая ситуация и процесс общения создают такой контекст, такие условия, когда называть производителя действия не полагается и не требуется.

4. Обобщенно-личные предложения со сказуемым, выраженным

формами 1 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения. Эти формы, как известно, представляют собою морфологические образования с аффиксом *-айың, -ейин, -оюн, -өйүн*. Ср.: *Бай билгенди ул да билет, Айтайын – десе эрки жок. – Что знает господин, знает и слуга, но сказать: Скажу-ка он неволен*. Здесь нас интересует содержание прямой речи: *Айтайын – Скажу-ка; (Позвольте) мне сказать; я хочу сказать*. Говорящее лицо побуждает себя к тому, чтобы что-то сказать. В предложении выражается желание высказаться.

В поговорке *Көрөйүн – деген сөзү жок* [6, с. 415, 428]. *–Глаза бы мои не глядели / Смотреть-то противно* (букв.) Нет глаз, говорящих: *Посмотрю-ка*, первое слово короче выражает побуждение говорящим самого себя совершать действия, обозначаемое корневой морфемой: *көр –видеть, смотреть*. Повелительность здесь ослаблено. Аффикс *-айын, -ейин, -оюн, -өйүн* встречается и в других языках. Его называют формой повелительно-желательного наклонения (Н.А. Баскаков).

Обобщенно-личные предложения со сказуемым, выраженным формой 1 л. мн. ч. повелительного наклонения, тоже представлены в языке ограниченно. Приведем пример.

Сиздердикине барганда – Ичейли да жейли, биздикине келгенде – Ырдайлы да ойнойлу [1, с. 80] – *Когда к вам пойдем, будем пить и есть, а когда к нам придем, будем пить да играть*.

Итак, предложения-сказуемые *ичейли – давайте будем пить, жейли – давайте будем есть, ырдайлы – давайте будем пить, ойнойлу – давайте будем играть/танцевать* носят обобщенный характер. В них субъектами выступают все возможные лица, которые, угощая людей, стремятся меньше тратить на продукты и занимать больше времени для развлечений, а будучи в гостях, хотят больше питаться и меньше развлекаться. Аффикс *-лы, -лу, -лу* имеет инклюзивное значение, предполагает исполнения действия говорящим совместно со слушающим и очень напоминает русское *–мте* (пойдемте). С ним синонимичны аффиксы: 1) *-айлык, -ойлик, -ойлук, -өйлук*; 2) *-айык, -ейик, -оюк, -өйүк* (в говорах), которые тоже выражают повелительно-желательное значение в составе глагольного сказуемого. В нашем

случае эти аффиксы участвуют в передаче побуждения собеседника к осуществлению действия совместно с говорящим.

5. Обобщенно-личные предложения со сказуемым, выраженным 2 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения. Эти предложения многочисленны и продуктивны в употреблении. Мы различаем несколько их разновидностей:

А. Предложения со сказуемым в форме глагольной основы или корня:

Суу көрсөң – бутуңу чеч, Тоо көрсөң – таяк кес (поговорка). – *Если увидишь реку – снимай обувь, если увидишь гору – сруби посох*. Эта поговорка употребляется для того, чтобы человек обязан быть готовым и вооруженным для преодоления различных трудностей и препятствий. В ней обращает на себя два момента. Во-первых, это сложное синтаксическое образование, состоящее из двух сложноподчиненных предложений, связанных между собой бессоюзием, параллелизмом и интонационно. В качестве придаточных использованы зависимые предложения с условным значением (*суу көрсөң – если увидишь реку/воду* и *тоо көрсөң – если увидишь гору*), т. е. с аффиксом *-сө* «если». Во-вторых, сказуемые главных предложений обобщенно-личные и имеют форму корневой морфемы. Корни *чеч – снимай* и *кес – сруби*, условные и даже неделимые, передают повелевание, совет и относятся к любому слушателю или читателю. Их функционально поддерживают три аффикса *-ң* в составе двух сказуемых условного придаточного (*көрсөң – если увидишь*) и в слове *бутуңу – твою (свою обувь)* в функции прямого дополнения, которые тоже имеют обобщительное значение и не относятся к конкретному лицу.

Сказуемое *ал – бери* обобщенно-личное, корневое и повелительное. Оно встречается во многих кыргызских поговорках. Например, *Катын албай, кайын ал. – Бери не жену, а родню*, т. е. бери невесту, не которую хвалит дед, а ту бери, которую хвалит сосед; выбирай корову по рогам, а девку по родам.

Корень-глагол выражает волю говорящего по отношению к собеседнику в прямой речи в составе поговорки: *«Кел» – демек бар, «Кет» – демек жок*. – букв.: *«Приходи» – говорят, «уходи» – не говорят*, т. е. гость сам должен догадаться о том, что пора уходить.

В кыргызском языке есть целая группа поговорочно-поговорочных изречений с производными формами обобщенно-личных сказуемых.

Б. Предложения со сказуемым отрицания:

В составе обобщенно-личного сказуемого встречается аффикс отрицания *-ба, -бе, -бо, -бө, -на, -не, -но, -нө*. Ср.: *Карап койсо «Сүйдү» тебе, күлүп койсо, «Өптү» - тебе*. – *Если взглянет, не говори: «Полюбил», если улыбнется, не говори: «Поцеловал»*. Сказуемое *тебе – не говори* использовано дважды и функционально составляет основу двух обобщенно-личных конструкций как главных предложений в составе сложного синтаксического образования с двумя условными придаточными и прямой речью.

В порядке предварительного обсуждения отметим обобщенно-личный характер остальных частей поговорки: субъект обобщенный, неконкретный. Поговорка не нуждается в уточнении действующего лица. Обобщающий характер 3 л. выявляется также в трансформациях поговорки:

1. *Карап койсоң, «Сүйдү» – дейт, күлүп койсоң, «Өптү» – дейт.*
2. *Карап койсом, «Сүйдүң» – дейт, күлүп койсом, «Өптү» – дейт.*
3. *Карап койсок, «Сүйдү» – дейт, күлүп койсок, «Өптү» – дейт* и т. д.

Эти и другие трансформы потенциальны для употребления и имеют обобщенно-личный характер. Язык допускает их существование и применение. В этих трансформациях *дейт* выступает как сказуемое с обобщающим лицом, хотя известно, что в кыргызском

синтаксисе отрицается наличие обобщенно-личного сказуемого в форме 3 л. В этом сказуемом отсутствует отрицание.

Отрицание в составе аналитического сказуемого выступает признаком обобщающего лица и в следующем выражении: «Жамаймы» – деп үзүп алба, «Түзөймүн» – деп бузуп алба. – Говоря: «Соединю», – не порви, говоря: «Исправлю», не поломай, т. е. будь проворен, да не будь озорен. Сказуемые үзүп алба – не порви и бузуп алба – не поломай, не нарушай относятся к любому слушающему, даже иногда говорящий относит сентенцию к своим собственным действиям. В изречении есть предложения, построенные по принципу прямой речи и являющиеся обобщенно-личными. Они имеют сказуемые, выраженные глаголами настояще-будущего времени 1 л. ед. ч. (см. выше).

В. Предложения со сказуемыми, выраженными формами повелительного наклонения с аффиксом -гын, -гин, -гун, -гүн, -кын, -кин, -кун, -күн в значении исполни ты.

Эңкейгенге эңкейгин – башың жерге тийгенче; какайганча какайгын башың көккө тийгенче. – Перед склонившимся склонись, пока голова земли не коснется; перед гордящимся гордись, пока голова неба не коснется. Сказуемые в этом сложном образовании эңкейгин – склонись и какайгын – гордись, держи себя высокомерно, гордо поднимай голову высоко – обобщенно-личные, имеют в своем составе аффиксы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения и относятся к любому слушателю или читателю, которые факультативны и без ущерба для семантики вычленены из состава главного члена предложения, т. е. эңкейгин = эңкей, какайгын = какай. Начальная форма без аффикса выражает совет более категорично.

Суудан өткүчө энемди берейин, суудан өткөн соң эмнени берейин (пословица). – Пока через реку пройду, мол, мать свою отдам, реку перешел – мне нечего отдавать. Сказуемое берейин – отдам-ка, давай отдам, могу отдать» употреблено дважды. Пословица соответствует по смыслу русскому афоризму: Тонул – топор сулил, вытащили – топорщица жаль.

«Өлөйүн» – десем, жан таттуу, «Кирейин» – десем, жер катуу. – (От стыда) говорю: «Хочу умереть (пусть бы я умер)» – жизнь сладка, говорю

«Пусть в землю провалюсь» – земля тверда. Обобщенно-личным является и условное придаточное десем – если говорю, употребленное дважды, где аффикс -м – я не указывает на говорящего, а является признаком лица вообще. Сказуемые-предложения өлөйүн – пусть бы я умер, кирейин – пусть бы я провалился тоже являются обобщенно-личными побудительного характера.

Г. Предложения со сказуемыми, выраженными формами 2 л. мн. ч. повелительного наклонения с аффиксами: -гыла, -гиле, -гула, -гүлө, -кыла, -киле, -кула, -кулө; -ңар, -ңер, -ңор, -ңөр. Ср. Жаманды өзүм дебеңер, жакшыны жатым дебеңер (пословица) – Дурного не принимайте за себя, доброго не принимайте за чужого. Данный вариант пословицы встречается реже, чем вариант без аффикса -ңер – вы в форме 2 л. мн. ч., который звучит более категорично и компактно. Аффикс -ңер может быть заменен аффиксами -гиле.

Кызды сураганга бергиле, кымызды ичкенге бергиле. – Дочь отдайте тому, кто просит, кумыс отдайте тому, кто его пьет. По продуктивности данный вариант тоже уступает варианту со сказуемым в корневой форме. Императив бер – отдай в силу обобщенности смысла относится к любому лицу.

То же самое можно сказать о глаголе-сказуемом жолукту – встретился в пословице Тандап, тандап тазга жолукту. – Выбирал, выбирал, да на паршивую (девицу) напал / Выбирала, выбирала, да на паршивого (жениха) напала (о слишком разборчивом человеке). Сказуемое имеет обобщенный смысл, в нем нет указания на пол, возраст и другие параметры субъекта. Пословица употребляется в случаях долгого поиска правильного решения,

длительного анализа фактов, обстоятельственной переборки кандидатур на должность, брак и т. д. и выбора наихудшего варианта.

Д. Обобщенно-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголами повелительного наклонения в форме 3 л. и с помощью аффиксов *-сын, -син, -сун, -сун:* *Узун өмүр берсин! – Пусть даст (о Боге) долгую жизнь! Күлүккө күн салгыча, байталга бак берсин. – Чем мечтать о скакуне, лучше пожелать счастья кобылице, т. е. чем увлекаться одним скакуном, лучше следить за всем табуном.* Ср. также: *Бай кийсе, «Куттуу болсун!» – дейт, кедей кийсе, «Кайдан алдың?» – дейт. – Если богач наденет (новое), говорят: «Поздравляю! (Пусть будет на счастье!)», если бедняк наденет (новое), говорят: «Откуда взял?».* Поздравление *кут болсун/куттуу болсун* имеет форму 3 л. повелительного наклонения и обобщенную семантику, и широкую сферу применения.

В неопределенно-личных предложениях субъект не называется по нескольким причинам:

- говорящему неизвестно действующее лицо;
- речевая ситуация не требует номинировать субъект процесса;
- для слушателя или читателя неважно иметь представление о личности деятеля;
- адресант не называет лицо по правилам этикета, норм общения и поведения, требований конфиденциальности и т.д.;
- предполагаемый субъект является почитаемой личностью, заслуживающей особого внимания;
- номинирование лица может быть нежелательным для участников общения;
- действие может быть совершено любым лицом или всеми людьми (в этом случае неопределенно-личные предложения сближаются с обобщенно-личными) и т.д.

Приведем примеры – из разговорной речи и из стихотворения Токтогула. В предложении *Короодо урушуп жатышат. – Во дворе ругаются /дерутся* сказуемое выражено аналитической формой глагола по модели «деепричастие на *-уп* + вспомогательный глагол *жат-* в настоящем времени 3 л. мн. ч.». Язык допускает замены слова *жатышат* формой *жатат*, поскольку множественность содержится в значении деепричастия: аффикс взаимного залога *-уш* передает такое значение. Дублиаж залогового аффикса в словоформах *урушуп* и *жатышат* (*-уш* и *ьш*) усиливает значение множественности действующих лиц. Однако из словоформы *урушуп* мы не можем устранить аффикс *-уш*, поскольку он необходимо связан с числом участников ругани или драки, происходящей на улице. В предложении на первый план выдвигается сам инцидент, ругань или драка посторонних для говорящего лиц. Однако говорящий не называет субъектов процесса потому, что или ему неизвестны ругающиеся или дерущиеся, или для речевой ситуации не нужно называть участников события, хорошо известных ему, или для него безразлично, кто вступает в ругань и драку, и т.д.

А в примере *Жаратканы чын болсо, жай-жайына койсочу. – Если действительно (все) было создано, то оставило бы (все) на своих местах* – в первой части говорится о создании, о созданном, содержится намек на создателя, а сказуемое во второй части не имеет подлежащего. Оно состоит из корня *кой-* – *оставить, оставлять, ставить, класть*, условно-желательного аффикса *-со* и аффикса *-чу* с желательным-повелительным смыслом. В тексте отсутствует указание на действующее лицо, которое бы исполнило пожелание поэта Токтогула. Субъектом желательного действия *койсочу* – *оставило бы*, возможно, считается не то Бог, не то судьба, не то природа, не то стечение обстоятельств, или все они вместе. Поэтому данную фразу можно отнести к неопределенно-личным, имея в виду ее заметную

связь и с определенно-личными и обобщенно-личными односоставными конструкциями. Предложение как бы связывает три вида предложений.

Основные разновидности неопределенно-личных предложений кыргызского языка следующие:

1. Предложения, действующее лицо которого неизвестно говорящему. *Коридордо катуу сүйлөшүп, бизге жолтоо болуп жатышат.* – Громко разговаривая в коридоре, нам мешают. Сказуемое выражено фразеологизмом *жолтоо бол* – мешать в сочетании с вспомогательным глаголом *жат* – в форме 3 л. мн. ч., оно аналитическое и соответствует синтетическому русского языка.

Мордон түшүп, бут акчамы алып кетиптир. – Спустившись с печной трубы, забрали все мои деньги.

Сказуемое выражено сочетанием деепричастия на *-ып* с деепричастием на *-ип* в форме прошедшего неопределенного времени с аффиксом *-тир*. Последнее усиливает неопределенность совершивших воровство лиц, а аффикс совместного залога *-иш* – неединственность производителей действия.

2. Предложения, действующее лицо которых известно говорящему, но не может быть названо по какой-либо причине.

Келинин тоготушпайт, сындай беришет, сындай беришет. – Не считаются с молодой, без конца критикуют, критикуют. Речь идет о свекрови.

Экөөбүздүн ортобузга чок салышты го. – Внесли разлад между нами. Речь идет о поведении недоброжелателей супругов, приведших их к разборкам или даже к разводу.

В этих предложениях в качестве морфологических признаков выступают формы 3 л. изъявительного наклонения настоящего (1-ое) и будущего (2-е) времен с участием аффикса взаимного залога *-уш* и *-ыш*.

3. Предложения, действующее лицо которых известно, но не называется по причине страха перед ним или почитания и уважения к нему.

Байкушту коркутуп коюшуптур. – Беднягу, оказывается, напугали. Речь идет о насильниках, ворах в законе.

Өмүрдү да берет, өлүмдү да берет. – Дают и жизнь, дают и смерть. В предложении в качестве субъекта подразумеваются и воля Бога, и природа, и судьба или все они в отдельности или вместе взятые.

4. Предложения, действующее лицо которых известно по контексту, поэтому во избежание дубляжа не называется. Такие односоставные предложения встречаются в пословицах и по значению напоминают обобщенно-личные предложения.

Сурай-сурай Меккеге барат (пословица) – *Распрашивая, до Мекки доходят.*

Сказуемое *барат* представляет собой форму 3 л. ед. ч. настояще-будущего времени глагола с аффиксом *-т*, оно может заменено словоформами *барыптыр/барышыптыр/барган/барышкан* экен – *доходили*, где аффикс взаимного залога *-ыш* подчеркивает множественность субъектов. В данном случае речь идет о мусульманах, совершающих паломничество в святой город Мекки. В пословице предпочтение отдается кратчайшей форме языкового выражения.

Кымынды үйдөй, кылды тоодой көрсөтөт (пословица) – *Превращают пылинку в дом, волосы в гору* (т. е. наговорил семь четвергов и все сразу). В выражении говорится о людях, гиперболизирующих и преувеличивающих факты, события качества людей и т.д.

«Бөрк ал» – десе, баш алат (пословица) – *Скажи: «Принеси шапку», - принесут голову.* Речь идет о дураке, не понимающем справедливость, взвешанность и бездумно выполняющем волю сильных мира сего. В последних двух предложениях глагольный

аффикс *-т* может быть заменен аффиксами *-үшөт* и *-ошат*, т. е. допускается трансформация сказуемых.

5. Предложения, субъект которого общеизвестен, определяется по контексту и не называется в целях экономии усилий и времени говорящих.

Кушту салганына кубанбай, алганына кубанат (пословица). – *Радуются не тому, что выпустили сокола, а тому, что он принесет.*

Тарпаң атты байгеге чаппайт, жигит келише кыз качпайт (пословица) – *Ленивую лошадь на скачки не выпускают, когда достойный парень подходит, девушка не убежит.* В пословице говорится о берейторе, который занимается тренировкой коней к скачкам. Словоформа *чаппайт* допускает замену словоформой *чабышпайт*, состоящей из корня, аффикса взаимного залога *-ыш*, аффикса отрицания *-па* – *не*, деепричастного аффикса *-й* и аффикса 3 л. *-т*.

Последние два предложения по обобщенности и мотивированности семантики примыкают к предложениям пункта 4 (см. выше).

6. Предложения, субъект которых заменен и не называется в силу значимости, весомости и оригинальности описываемого в нем факта или события.

Араба менен коёngo кууп жетиптир (пословица). – *На телеге догнали зайца.* Пословица совмещает юмор и преувеличение, используется для подчеркивания важности целеустремленных и смелых действий и для осуждения пассивности, инертности и пессимизма людей.

Адамды кийминен тааныбайт, ишинен тааныйт [1, Т. I, с. 12]. – *Человека узнают не по одежде, а по делу.* В пословице речь идет о форме и сущности человека, о его внешних и внутренних качествах. Этнос придает большое значение деловым и поведенческим свойствам человека. Для него неважно, кто оценивает человека. Ясно, что во фразу можно ввести слово *адам*: *Адам адамды кийминен тааныбайт, ишинен тааныйт*. На этом основании предложение можно было бы определить как неполное. Однако стандарт пословицы не допускает такого преобразования. Поэтому считаем неназванным субъектом предложения (денотаты слов: *адам/киши* – человек, *адамдар/кишилер* – люди, *эл* – народ, *адамдардын көпчүлүгү* – большинство людей и т.д.

Улду төрөйт, уятын кошо төрөбөйт (пословица). – *Рождают сына, но не рождают вместе с совестью.* Понятно, что речь идет о субъекте-матери. Но субъект не выделится, представляется обобщенно. Поэтому предложения подобного типа сближаются с обобщенно-личными.

Таким образом, можно сказать, что неопределенно-личные предложения являются особым типом односоставных личных предложений. В них нет указания на действующее лицо. В этих предложениях отсутствует конкретный субъект, но его во многих случаях можно восстановить. Правда, не всегда действующее лицо бывает неизвестным для говорящего. Он иногда намеренно его не называет, оставляя его неопределенным для слушающего. Некоторые неопределенно-личные предложения сближаются с определенно-личными и обобщенно-личными, допуская соответствующие преобразования и выступая как их синтаксические синонимы.

Подводя итоги, отметим, что типы односоставных предложений в сопоставляемых языках количественно одинаковы. Они обнаруживают идентичность по строению, по сфере употребления, по значению. Если назывные, обобщенно-личные и неопределенно-личные в целом обнаруживают сходные черты, общие способы оформления и почти одинаковые

значения, то определенно-личные и безличные предложения имеют существенные расхождения.

1) предикативность отражает коммуникативность предложения, включает в себя функции и формы главных членов как ключевых единиц высказывания;

2) главные члены, выступая важными смыслоносителями речи, образуют ядро предложения, вокруг которых разворачиваются второстепенные члены предложения, дополняющие, уточняющие и развивающие содержание предикативной части фразы;

3) наличие обоих главных членов или отсутствие одного из них является одним из критериев разбиения предложений на два больших класса. На основании этого принципа предложения делятся на односоставные и двусоставные. Односоставные имеют в своей структуре только один главный член со своими распространителями, а двусоставные – оба главных члена со своими распространителями;

4) категория личности/безличности определяет сущность предложения с точки зрения наличия или отсутствия субъекта в предложении. Она пересекается с категорией предикативности, не совпадает с нею, поскольку имеются личные и безличные формы в языке, выходящие за пределы предикативности. Например, лично-посессивные формы в одних случаях входят в состав предикативных образований, в других могут встречаться в непредикативных конструкциях.

Источники

Жапанов А.А. Кыргыз элинин макал-ылакаптары = Кыргызские народные пословицы и поговорки. Бишкек: Турар, 2011. Т. 1. 296 с.; Т. 2. 278 с.

Степанов Ю.С. Личности-безличности категория // Языкознание: Большая рос. энцикл. М., 1998. С. 272-273.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

Список литературы:

1. Жапар. А. Синтаксический строй кыргызского языка. Бишкек, 1992. Ч. 1. 428 с.
2. Жапар А. Синтаксический строй кыргызского языка. Бишкек, 1992. Ч. 2. 350 с.
3. Жапаров А. Сопоставительная грамматика кыргызского и русского языков. Бишкек, 2007. 408 с.
4. Кыргыз элинин макал-ылакаптары = Кыргызские народные пословицы и поговорки / сост. А. А. Жапанов. Бишкек, 2011. Т. 1. 296 с.; Т. 2. 278 с.
5. Ильенко С. Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 154-159.
6. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 183 с.

References:

1. Japar, A. (1992). Sintaksicheskiy stroy kyrgyzskogo yazyka. Bishkek.
2. Japar, A. (1992). Sintaksicheskiy stroy kyrgyzskogo yazyka. Bishkek.
3. Japar, A. (2007). Sopostavitel'naya grammatika kyrgyzskogo i russkogo yazykov. Bishkek.
4. Kyrgyz elinin makal-ylakaptary = Kyrgyzskie narodnye poslovitsy i pogovorki (2011). Bishkek.

5. П'яенко, S. G. (1975). Personalizatsiya kak vazhneyshaya storona kategorii predikativnosti. *Teoreticheskiye problemy sintaksisa sovremennykh indoyevropeyskikh yazykov*, 154-159.
6. Shcherbak, A. M. (1981). Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (glagol). L.: Nauka. Leningr. otd-niye.

*Работа поступила
в редакцию 28.02.2020 г.*

*Принята к публикации
05.03.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Эшанкулова Ш. А. Выражение личности в односоставных предложениях кыргызского языка с точки зрения русского языкового мышления // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №4. С. 542-561. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/66>

Cite as (APA):

Eshankulova, Sh. (2020). The Expression of the Personality in the One-part Sentences of Kyrgyz Languages From the Point of View of Russian Language Thinking. *Bulletin of Science and Practice*, 6(4), 542-561. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/66> (in Russian).